
ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ СРЕДЕ

А.Г. Восканян

Кафедра сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Данная статья посвящена некоторым ключевым аспектам политической коммуникации в свете распространенных процессов современности — интеграции, информатизации и глобализации. В статье рассматриваются основные политические вызовы в развивающейся коммуникационной среде. Обсуждаются также некоторые аспекты так называемой «Интернетизации» общества и влияние «новых медиа» на социально-политические развития в странах мира. С помощью разных теоретических и концептуальных основ рассматриваются также вопросы упадка государства, появления новых политических акторов и необходимости реализации многополярной коммуникационной политики.

Ключевые слова: глобализация, информатизация, интеграция, многоуровневая и многополярная коммуникация, интернет-среда, сетевое общество, НЕТОкратизация.

Мировые политические тенденции сегодня определяются и находят свои объяснения в трех основных социально-политических и экономических процессах современности — глобализации, информатизации и интеграции.

Эта «триада», плотно сотканная в многообразный ковер мира, является общепринятой парадигмой современных политических процессов, в рамках которой в последние десятилетия и, в частности, сегодня мы развиваем новые методы восприятия политических процессов и международных отношений (так, сегодня Госдеп США занят разработкой концепции «цифровой дипломатии» / «digital diplomacy» (См.: [20])), опираемся на новые формы экономического сотрудничества и сближения отдельных стран и регионов с активным использованием Интернета, проявляем инициативу и способствуем внедрению рыночной потребительской логики в сфере политики, также развиваем новые закономерности государственного управления, которые дают новую окраску принципам политической легитимности, прозрачности и доверия, расширяют и одновременно ограничивают возможности соучастия общества в процессе принятия решений и реализации своих прав.

Более того, с появлением и широким использованием так называемых новых медиа («new media») в последние несколько лет не только трансформируются каналы политической коммуникации, но и изменяется сама суть и направленность так называемого «политического сообщения» («political message») в современном общественно-социальном порядке.

Тесная взаимосвязь информатизации с глобализацией или же интеграции со становлением глобального информационного общества не подлежит сомнению.

Общим моментом и точкой соприкосновения для вышеуказанных процессов является именно феномен коммуникации и уже в наши дни — феномен *полинправленной, горизонтальной и многоуровневой коммуникации*, возрастающая роль

которого во всех отраслях жизнедеятельности связывается с беспрецедентным развитием информационного общества. В новых реалиях политика как таковая находит свое проявление в эффективном обмене информации по разным коммуникационным каналам.

В общих чертах, с точки зрения вышеуказанной «триады» теория и эмпирическая данность сегодня находятся в остром соперничестве: есть впечатление, что теория не совсем успевает за реальными событиями или же последние не всегда вовремя оправдывают теоретические обоснования и предсказания. Но отметим, что на сегодняшний день и теория, и реальность имеют достаточно стабильную базу, на которой же строится новая медийная политическая реальность, что мы и собираемся рассмотреть ниже.

Сущность информации в обществе. Еще в XX в. проблема информации привлекала внимание ученых в основном в связи с развитием теории информации и кибернетики. Ныне эта проблема рассматривается под иным углом — сквозь призму информатики и процесса информатизации общества. Информация (1), в широком смысле слова, является предметом изучения такой науки, как теория информации, которая включает различные подходы и направления к ее изучению: статистическое направление (т.е. количественных аспектов информации), семантическое — внимание сконцентрировано на содержании информации; алгоритмический подход, связанный с действенным характером информации, определяющим изменения в системах, и развитием информационных систем и технологий [1. С. 58].

Как часто отмечается в философской трактовке, наряду с веществом и энергией информация рассматривается в качестве третьего компонента бытия.

Она на практике превращается не просто в мощный ресурс, а в ключевой фактор социального прогресса. Одной из важнейших характеристик современного общества становится уровень его информатизации, оказывающий влияние на все процессы общественного развития.

В политологическом понимании информация, которая разрабатывается и распространяется новейшими технологиями и коммуникационными каналами, является основным орудием «мягкой власти» [2. С. 257]. Арсенал же этой мягкой власти включает в себя средства и методы воздействия, в основе которых лежит сам акт коммуникации.

Важность роли информации в обществе стала сердцевинной исследований многих авторов, начиная со второй половины прошлого века до наших дней. Еще в середине XX в. Д. Белл, прогнозируя тенденции феноменального использования информационных технологий, говорил о наступлении постиндустриальной эпохи [12. Р. 28—29], М. Маклюэн высказывался о «глобальной электронной деревне» (См.: [16]), а японский ученый И. Масуда, говоря о развитии информационного общества, отмечал, что такое общество будет свободно от классовой принадлежности и конфликтов, и это будет общество согласия (См.: [15]).

По своей сути, «информационное общество» — это весьма многогранный феномен, имеющий сложную структуру, но обладающий, тем не менее, рядом достаточно легко дифференцируемых свойств, выявление которых и позволяет иссле-

дователям и практикам говорить об информационном обществе как об отдельном самостоятельном феномене, а не как о совокупности хорошо известных феноменов. Попытаемся обозначить указанные свойства феномена информационного общества. В первую очередь, стоит отметить коммуникацию, выведенную на определенный уровень эффективности посредством применения соответствующих технологий (2).

По мнению многих зарубежных и отечественных исследователей, сразу несколько причин позволяют отнести «информационное общество» к категории систем. Во-первых, это использование во второй части определения термина «общество». «Общество» представляет собой систему, поскольку является совокупностью сложных элементов, абстрагированных от внешней среды по какому-либо критерию.

Далее мы видим, что в основе понятия «информационного общества» лежит понятие «информация».

По сути, «информационное общество» — это некий феномен, в котором информация играет ключевую структурную либо функциональную роль.

Более того, использование термина «общество» подразумевает акцент именно на практическую реализацию данного феномена, каких-то его основных свойств, что не позволяет отнести «информационное общество» к полностью абстрактным феноменам [7. С. 13—14].

Такой подход ведет к пониманию информационного общества как системы с ключевой информационной характеристикой, причем эта система имеет свое социально-политическое практическое воплощение.

Соответствующая научно-академическая литература полна самыми разными терминами, определяющими возрастающую роль информации в общественно-социальных отношениях. Однако в этой статье мы не собираемся обсуждать существующие терминологические разногласия. С нашей точки зрения более убедительным является термин «глобальное информационно-коммуникационное общество».

По нашему мнению, данная формулировка дескриптивно объясняет нынешнее развитие и указывает на необходимость рассмотрения этих процессов во взаимосвязи.

Глобализация коммуникации. Период становления информационного общества совпал с процессом глобализации (3), который отразил основные вызовы стремительно меняющегося мира. Этот долгосрочный процесс далеко еще не закончен, хотя с 1970-х гг. значительно ускорился. Данным термином в современной литературе можно обозначить не только рост интеграционных процессов, предполагающих возросшее взаимодействие суверенных национальных государств и отдельных социальных групп, но и увеличение взаимозависимости и взаимопроникновения человеческих отношений наряду с ростом интеграции социополитической и экономической жизни (4). С политологической точки зрения важным моментом в глобализации является коммуникативная среда.

Технологические основания играют существенную роль в данном контексте. Например, наличие спутниковой связи становится важным моментом в обеспечении информатизации, в частности в сфере национальной безопасности.

Многие авторы, обсуждая вопросы о глобализации коммуникации и основываясь на примерах телекоммуникационного оборудования, с пристальным вниманием наблюдают и анализируют деятельность транснациональных медиа, которые на сегодняшний день формируют основную среду политической коммуникации в глобальном и локальном контексте.

Об этом многие авторы современности пишут как о символической среде, которая охватывает весь мир.

Именно эта информационная/коммуникационная среда, будучи уже глобальной, обеспечивает производство единых для всех людей образов.

Основоположник кибернетическо-информационного метода К. Дойч политическую коммуникацию назвал «нервной системой государственного управления», поскольку политическое сообщение, благодаря чему мы получаем именно политическую информацию, следовательно, приобретаем возможность понять и анализировать то или иное развитие, обуславливает политическое поведение [12. Р. 69]. Но этот процесс не может декларироваться как одностороннее движение. Разные культуры, страны и индивиды с каждым днем обогащают эту информационную сферу, способствуя развитию глобальной экономической и социально-политической системы.

В этой связи справедливо вспомнить слова Н. Лумана, который определяет коммуникацию как изначально социальную операцию. «Общество состоит не из личностей, а из коммуникации между ними. Не человечество, а система коммуникации выборочно интегрирует физический, психологический потенциал людей. Эта система обладает собственной реальностью и собственной автономией», — полагает Н. Луман [8. С. 105].

Ю. Хабермас писал, что принципиальное отличие коммуникативного действия от всех прочих видов состоит в том, что оно ориентировано на нахождение взаимопонимания между социальными субъектами, и целью коммуникации становится не принуждение, а поиск согласия (См.: [9]).

Тем не менее, коммуникационная среда, которая сегодня развивается, разнородна, и современное общество в настоящее время находится в фазе турбулентной коммуникации без предсказуемых результатов.

По сути дела, глобальное информационное общество XXI в. характеризуется так же, как общество *политического риска*.

Это отмечают многие современные исследователи, акцентируя внимание на новых явлениях информационного общества, которые принуждают расширить кругозор методологического познания социокультурных и политических особенностей современности. Согласно У. Беку, коммуникация риска означает его расширенное воспроизводство, заключающееся в производстве, распространении, потреблении и новом производстве рисков [3. С. 21—27, 31—40].

В рамках коммуникации рисков имеют место синергетические нелинейные взаимодействия, а локальные события в условиях глобализации и ускоренного развития информационно-коммуникативных технологий все чаще вызывают глобальную коммуникацию рисков.

Развитие информационных технологий выступает важнейшей материальной предпосылкой сетевого структурирования, тогда как его содержательным компонентом является коммуникация риска.

У. Бек отмечал, что социально осознанный риск политически взрывоопасен. Получается, что в процессе глобальной информатизации для нашего времени и, в частности, для нашей политической реальности характерным становится знаменитая перефразировка — «локальное действие приводит к глобальному эффекту».

Опираясь на разные отечественные и западные публикации последнего времени и на наши наблюдения, данная формула обретает реальный характер в революционных событиях, начавшихся в Тунисе и Египте зимой 2010—2011 гг. и распространившихся по эффекту домино в других арабских странах мира.

Знаменательным сдвигом с точки зрения науки является тот факт, что все оказались связаны через Интернет, социальные сети, по сотовым телефонам. Это была революция, основанная на коммуникации, на новых методах политической мобилизации.

Самый непредсказуемый момент — это наступление так называемого кошмара для мировой политики, поскольку в целом децентрализованная коммуникация в сети, которая была максимально доступна для каждого гражданина, на самом деле получила свое политическое крещение именно в разгаре уже отмеченных тунисских событий.

А все началось с распространения в Интернете информации политического контента. Ранее малоизвестный сайт WikiLeaks раскрыл не только коррумпированность правящих режимов во многих арабских странах, но и в силу своей открытости вывел на улицы миллионы недовольных граждан в Тунисе, Египте, Йемене, Бахрейне. Ливия же стала критическим моментом, когда сетевая активность переросла в гражданскую войну в реальном режиме (5).

Из вышесказанного не только вытекает та важная гипотеза, что понятие политического, находясь в процессе трансформации, выходит из традиционно классических рамок, расширяет свой системно-функциональный кругозор, также изменяет свое отношение к коммуникационному процессу в целом. Политическая коммуникация, таким образом, обогащается палитрой сгущенных красок, которые на картинах приобретают совершенно необычные очертания.

Интеграционные процессы и новая информационно-коммуникационная среда. Порождение символической среды, к которой мы кратко обратились выше, было бы невозможно без технологического прорыва и самых разных коммуникационных гаджетов: мобильных телефонов, компьютерных минидивайсов, iPod-ов и системы GSM. Все они связываются разными сетями и переводят нашу реальность в новую глобально-информационную систему коммуникации и интеграции или же, как часто с противоположной стороны отмечают, жестоко несбалансированную среду коммуникационной блокады, кастомизации, информационного империализма и дезинтегрирующих условий.

В обоих случаях, как видно, технологический детерминизм стоит не на самом последнем месте. Но, даже, несмотря на имеющиеся неравные стартовые возмож-

ности разных стран, в целом стремительный технологический прогресс в последние десятилетия не только обогатил, упростил во многих вопросах нашу жизнь, но и создал ту технологическую базу, на которой мы стали ближе друг другу в прямом и переносном смысле слова. Новая технологическая картина мира сделала возможным более эффективное сближение разных культур, стран и отдельных социальных групп. Одновременно в рамках цифрового разрыва, который уже получил политическое значение, данные развития определяются как условия, порождающие более глубокую социальную фрагментацию, политическую сегментацию и дезинтеграцию отдельных социальных групп, создавая реальность не только социального, но и политического неравенства нового типа.

Общеизвестно, что теория интеграции не новая, но по-новому она трактуется и находит свое воплощение в нашей реальности именно в рамках развития информационно-коммуникационной среды. Межгосударственная интеграционная теория имеет богатое прошлое, начиная с классического линейно-стадиального направления интеграции, о котором говорил еще Дж. Винер в 1950-х (См.: [17]), заканчивая бурным ростом многообразия регионального интеграционного опыта в последние 20—25 лет (6).

Как определяет М.А. Хрусталева, интеграция — это встречное движение двух самостоятельных, зрелых этносов, сближающихся по своим характеристикам, но не достигающих полного слияния (См.: [10]). Такое встречное движение получило смысловую окраску именно в контексте Европейского Союза. Впервые в мире явлением международной политики интеграция стала в Западной Европе после Второй мировой войны.

Именно ЕС сегодня не только является уникальным многоуровневым интеграционным феноменом, но и, будучи активно вовлеченным в процессы глобализации и информатизации, способствует развитию вышеуказанной «триады». И хотя интеграционные процессы проявляются на региональном уровне, этот феномен носит глобальный характер и становится более значительным фактором мирового развития.

Информационно-коммуникационную среду ЕС рассматривает как платформу более глубоких экономических, а уже в последние два десятилетия и политических интеграционных процессов и активно развивает свою политику в данном направлении. Но в отличие от теории управления с помощью информации Гарольда Лассуэла, Уолтера Липпмана и Эдварда Бернейса, по которой государство всецело полагается на коммуникацию и информацию, манипулируя общественным мнением и осуществляя, таким образом, социальный контроль, европейские институты ищут новые пути реализации в рамках гражданского общества: так называемое двустороннее информационное управление, которое становится возможным с помощью сетей.

Отдельным аспектам интеграционной функции Интернета посвящена Европейская информационная политика, которая рассматривает вопросы инклюзивного (inclusive) участия граждан и построения доверительных отношений между отдельными гражданами и европейскими институтами, например, с помощью программы i2010 (См.: [21]).

С появлением Интернета возникает не только новое технологическое средство передачи информации, но главным достижением представляется начало интеграционного процесса прежде разрозненных областей, социальных групп и систем массовой информации, что приобретает особое значение в политическом контексте.

Другим важным моментом выступают усилия, направленные на формирование европейской идентичности в виртуальном режиме. Феномен Европейского Союза в данном контексте представляет специфичный синтез существующих тезисов и эмпирических материалов, который нуждается в детальном анализе.

Тем не менее, надо отметить, что после многочисленных социально-экономических проблем, вызванных финансовым кризисом 2008 г., многие специалисты, в частности евроскептики, будущее единство Европы и развитие общеевропейской идентичности в рамках новой коммуникационной среды считают утопией.

Существует и противоположная позиция, которую активно поддерживают многие западные исследователи (среди них и Ю. Хабермас).

В целом, с точки зрения интеграционных перспектив, многие считают, что именно последствия кризиса натолкнули лидеров передовых стран Европы пересмотреть основные приоритеты и для выхода из создавшейся ситуации найти политические решения, что означает более тесное сотрудничество на мировом уровне и начало более доверительных отношений между странами [14. Р. 19].

Политика в режиме он-лайн. Прежде чем приступить к более детальному обращению к особенностям Интернета в политической составляющей нашей жизнедеятельности, попытаемся в более цельном представлении очертить роль и функции средств массовой информации и коммуникации (СМИиК) с политической точки зрения.

Исходя из того, что функцией политической системы является выработка решений, можно предположить, что функцией системы СМИиК является постановка вопросов и тем для обсуждения таким образом, чтобы обеспечить интеграцию общества и его частей.

Особое значение в этом контексте приобретает тот основополагающий факт, что происходят процессы сращения политики и медиа (*convergence between media and politics*), медиатизации общества (также, основываясь на более широких концептуальных сторонах данного явления, используется термин «НЕТократизация») и, конечно, порождается так называемая элита нового века — «медиаократия» (в частности, в атлантической политической культуре).

Медиатизация общества и сращение политики и медиа логично ведет (речь идет о западных странах с высокой степенью репрезентативности) в сторону медийной политики, что и резким образом изменяет не только каналы политической коммуникации, которая в рамках развивающегося информационного общества стала ключевым понятием политики, и подчеркивает необходимость переосмысления ее роли и функций. Получается, что не политические партии, а СМИиК и новые медиа определяют политическую повестку дня.

Более того, СМИиК определяют также процесс принятия политических решений и их реализацию. Данное означает, что СМИиК не являются простым инст-

рументом политики, а особым институтом политической системы или же системообразующим компонентом современной политики, которая сама под влиянием горизонтально-сетевых подходов управления находится в процессе важных изменений.

Сетевая логика общественно-социального развития сопротивляется традиционным понятиям государственности «вестфальского типа», для которого характерен государственноцентризм, а столь широкомасштабное использование Интернета влияет на существенные трансформации в сфере мировой политики, способствуя переходу с одного состояния в другое, т.е. в качестве системообразующих факторов политической организации мира выступают уже не государства, или не только государства.

Сетевой подход — это не только метод более распространенного контроля над обществом и миром в целом, который вытекает из теории Э. Гидденса, но и новый механизм распределения власти.

Так, например, летом 2010 г. Правительство Великобритании предложило концепцию «Большое общество вместо большого государства» (См.: [22]). А уже с начала 2011 г. правительство премьера Дэвида Кэмерона проводит беспрецедентное сокращение госаппарата (на 40%), сохраняя за властями лишь общую стратегию развития и передавая текущие задачи государства на уровень многочисленных гражданских сетей, занятых предоставлением тех общественных услуг, которые раньше оказывали чиновники.

Задача в том, чтобы сделать государство низкокзатратным, слой бюрократии — узким, а каждого гражданина — участником системы управления страной.

Данная политика доказывает ту теоретическую предпосылку, что, во-первых, настало время горизонтально-сетевых переходов, деиерархизации, как говорил М. Кастельс, и внедрения новых моделей управления.

А, во-вторых, горизонтально-сетевая модель государства начинается с устранения административных барьеров, которые оказываются бессильными в преодолении вызовов современного общества.

Современный алгоритм данного явления связан с переходом властей от роли верховного управляющего к положению «партнера на равных» — с культивированием горизонтальных альянсов и активности снизу без центрального управления.

В целом, таким образом, мы апеллируем к понятию «коллаборативное управление» (collaborative governance).

Интернет со своими архитектурными возможностями в реализации такой политики играет ключевую роль, поскольку сети связывают между собой людей, институты и государства, и это главная черта информационной эпохи.

У известного польско-британского политического философа и социолога Зигмунта Баумана такая институционально-функциональная трансформация государства рассматривается как реакция на кризисную ситуацию, в которой на самом деле оказались именно самые развитые и политически стабильные системы мира. Этот кризис характерен именно для современного мира и характеризуется крушением традиционной социально-политической системы (См.: [19]).

Самой болезненной темой в данном контексте является вопрос упадка национальных государств.

Многие авторы отмечают, что такой механизм распределения власти угрожает государственному суверенитету, что приводит к тому, что государство теряет свои основные рычаги управления, становясь не способным реагировать на важные вызовы различного характера. Но с этим не согласны представители сетевого подхода, которые в своих высказываниях делают акцент на то, что в процессе такой трансформации государство не теряет свою важную роль, наоборот, оно приобретает новые функции управления. Ее основной задачей становится обеспечение сотрудничества между разными частями общества и необходимая консолидация усилий в реализации власти. В одном из последних докладов российских экспертов по информационно-коммуникационному обществу отмечается, что в новой реальности существование национального государства не ставится под вопросом, но роль и функции государства во многом изменяются (См.: [18]).

Как отмечал М. Кастельс, и в будущем национальное государство сохранит свою значимую роль и станет главным органом управления этого созидательного хаоса [5. С. 136—137].

По этому поводу в своих трудах Кастельс пишет, что государство несет на себе бремя социальной ответственности, поднимая на поверхность дискуссий вопрос об участии государства в интернет-управлении, что, по его идее, не должно превратиться в ограничение свободы каждого гражданина. Продолжая свою мысль, знаменитый ученый считает, что сегодня нужно развивать гарантированное разоружение между обществом и государством. Интернет может стать инструментом двустороннего контроля, информирования, соучастия и даже принятия решений на всех уровнях снизу доверху.

В «Интернетизации» политики существует и другой немаловажный момент — СМИиК снизили эффективность глобальных корпораций и резко усилили позиции тех людей и организаций, которые проявляют предприимчивость и эффективность в сетевом их понимании. С этой точки зрения мы говорим уже о новых участниках политического процесса — так называемых он-лайн активистах, которые закрепили за собой важную роль создателей контента в Интернете и пользуются навыками и способами политической мобилизации с помощью новых технологий. Тот же самый пример восстаний в арабских странах довольно характерен в данном контексте, доказывая не только то, что сеть развивается сегодня быстрее, чем можно было ожидать, но и то, что такая реакция еще и сформулировала некую общую сетевую культуру для подобных восстаний.

В целом, такая тенденция напоминает ту самую формулу, о которой много говорили тогда, когда появилось телевидение: «невозможно заниматься политикой, не имея дело с телевидением». В нашей реальности эта формула может звучать так — «вне онлайн режима невозможно заниматься политикой». Именно этой своей целостностью Интернет является важной средой.

Включенность в сеть — условие полноценного участия в жизни современного общества. Более того, социальные сети Twitter и BlackBerry, сайт WikiLeaks стали

синонимами социально-политической активности общества и основной площадкой политических дискуссий. Тотальная прозрачность, предложенная WikiLeaks, — это и есть технологии трансформации мирового порядка, о чем сегодня пишут многие отечественные и зарубежные журналы и газеты.

Заключение. Резюмируя основные положения, которые представлены в данной статье, стоит отметить, что «глобальная паутина» на самом деле является воплощением рассматриваемых нами трех основных процессов современности — глобализации, информатизации и интеграции. Главной отличительной чертой Интернета является его открытость — как с точки зрения технической архитектуры, так и социальной и институциональной организации. Кроме того, именно открытость была и остается тем важным моментом в Интернете, который способствует саморазвитию сети.

Г. Бехманн в научный оборот вносит термин «Интернет-общество», которое спровоцировало критику многих исследователей современности. Как он отмечает, особенность Интернета как общества заключается в том, что образуются материальный и технологический базис сетевого общества; технологическая инфраструктура и организационные средства, способствующие раскрытию многочисленных новых форм социальных связей, происхождение которых связано с Интернетом, но вытекает из ряда исторических перемен [4. С. 24—28]. А уже часто используемая «NETократия» становится новым политическим режимом, который был вызван в ответ на всеохватывающий кризис государствоцентризма в наши дни.

Создающиеся многочисленные формы социальных связей ставят перед государствами новые политические вызовы, устоять перед которыми возможно с помощью пересмотра традиционных восприятий политики. Сама политическая коммуникация должна стать не только интерактивной, двусторонней, но и одновременно *многосторонней, всеобщей и специфично ориентированной*. Основой такой политики становится тактика, гибкость и моментальность действий.

В общих чертах «Интернетизация» политики проявляется в следующих 4 важных взаимосвязанных моментах:

- 1) новая динамика общественных движений, расширение перечня непрямых участников политики;
- 2) объединение локальных сообществ посредством компьютерных сетей и значимость этого процесса для инклюзивного гражданского участия;
- 3) использование Интернета в практике информационной политики и национальной безопасности;
- 4) возникновение ноополитики и кибероружия на геополитической арене [6. С. 164—165].

Интернет является многонаправленным каналом связи, и возникновение так называемой «ноополитики» расширяет возможности переосмысления и преобразования политической данности (по Аркиллу и Ронфельду, термин «ноополитика» относится к политическому аспекту информационной среды, которая противопоставлена реальной политике государствоцентризма в международных отношениях (См.: [11]). Ноополитика становится новым пространственным оборотом в политике, поскольку коммуникация, вернее, сообщение, становится важным инструментом политики и образует политическую повестку дня).

Ожидалось, что Интернет станет идеальным инструментом будущей демократии, и эти ожидания продолжают сохраняться. Политическая информация доступна, и чаще граждане лучше информированы, чем политики и государственные деятели. Сегодня часто можно услышать ту мысль, что ранее только государство следило за своим народом, а теперь и народ может контролировать государственную власть, что на самом деле является его правом.

С другой стороны можно также заметить, что множество стран (в частности, постсоветские страны) используют Интернет как доску для объявлений. Зато так называемую цифровую культуру активно развивают журналисты, блогеры, активисты гражданского общества, разные социальные группы, которые активно распространяют политическую информацию. Еще один важный момент — возрастает возможность распространения такой политической информации, которая по знакомым всем причинам и с такой превышающей скоростью, не могла бы циркулировать по медиа-мейнстриму.

В силу данных обстоятельств трудно не согласиться с той точкой зрения, что в процессе созволюции Интернета и общества происходит глубокая трансформация политики. Власть начинает производиться на основе информации и интерактивной, многоуровневой коммуникации, которая перерастает в глобальную коммуникацию.

В целом сетевой горизонтальный подход социально-общественного преобразования и вытекающие из него политические трансформации порождают новые ориентиры международных отношений, способствуют переосмыслению роли государства в мире, расширяют перечень участников мировой политики, порождают новые вызовы в рамках национальной и глобальной безопасности, переносят политические дискуссии на новую — глобальную информационно-коммуникационную среду.

Тем не менее, в данной статье мы лишь упомянули некоторые вызовы интернет-среды. Существующие проблемы, как информационная безопасность, дезинформация, цифровой разрыв, информационная кастомизация, кибертерроризм на самом деле являются основными барьерами в процессе реализации огромного и пока еще не до конца раскрытого потенциала Интернета, важность которого как с точки зрения практикующейся политики, так и политологического анализа имеет возрастающую тенденцию.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Слово «информация» латинское. Вначале под этим словом подразумевали «представление», «понятие», затем — «сведения», «передачи сообщений». Таким образом, первоначальное понятие «информации» связывалось не только с социальной сферой, но и с коммуникативной деятельностью.
- (2) В своей статье «Политическая коммуникация в информационном обществе: перспективные направления исследований» (Актуальные проблемы теории коммуникации // Сборник научных трудов. — СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. — С. 253—270) М.С. Вершинин отмечает, что информационные технологии проникают во все сферы общественной жизни, но наиболее заметно их влияние в политике. Информационные технологии, по словам М.С. Вершинина, изменяют не только форму осуществления демократических процедур, но с их внедрением меняется и сама суть развития социальных процессов, подчеркивая обогащение общественно-политического лексикона такими понятиями, как «электронное

правительство», «киберполитика», «кибердемократия», «компьютеро-опосредованная политическая коммуникация», «цифровая (дигитальная) демократия», «коммуникационная демократия», «электронное гражданство» и др.

- (3) Сам термин «глобализация» имеет множество значений. Однако, суммируя все, что сегодня понимают под глобализацией, мы можем четко определить следующие характеристики: свободный обмен товарами, услугами, капиталом, знаниями, рабочей силы и т.д. Информация в данном контексте играет основополагающую роль и стоит на передовых позициях. Из вышесказанного вытекает то, что глобализация лежит в сфере человеческого общения, социальной коммуникации — последняя же реализуется на глобальном уровне посредством информационно-коммуникационных технологий.
- (4) Такая позиция часто критикуется некоторыми современными исследователями, которые отмечают, что прогресс, который мы определяем посредством поддержания взаимоотношений с целью большего развития, далеко не соответствует нашим социально-политическим и экономическим реалиям. В частности, принцип «гибкого накопления», который является основой такого прогресса не только в экономическом, но и политическом контексте, критикуется в работе Анны Поллерт (*Farewell to Flexibility*. — Oxford: Blackwell Business, 1991).
- (5) Данные события впервые доказали, что так называемые два мира (реальный и виртуальный) развиваются параллельно, и они тесно взаимосвязаны. Так, в силу вышеуказанных событий можно уже решительно сказать, что сетевая деятельность послужила опорой для политических трансформаций.
- (6) Примечательно, что процесс «интеграции» в научно-академической литературе также часто называют регионализацией. Однако на сегодняшний день в европейских исследованиях принято различать «регионализацию» от «интеграции». Говоря о регионализме, в целом мы подразумеваем интеграционные процессы в других частях мира, поскольку термин «интеграция» больше ассоциируется с Европейским Союзом. До сих пор европейские специалисты часто критикуют использование данного термина для обозначения подобных процессов, считая, что данный термин выражает конкретный уровень интегральности как исключительно европейского феномена. Эллен Фрост (*Frost E. Asia's New Regionalism*. — London: Lynne Rienner Publishers, 2008) и Кристофер Дент (*Dent Christopher M. East Asian Regionalism*. — London and New York: Routledge, 2008) в своих работах отмечают, что под регионализацией стало принято понимать совокупность процессов, способствующих нарастанию экономической однородности того или иного региона в результате углубления труда и повышения интенсивности связей между близко расположенными странами.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Анохин М.Г. Современные технологии эффективной политики. — М.: РУДН, 2008.
- [2] Барановский В.Г., Богатуров А.Д. Современные глобальные проблемы. — М.: Аспект-Пресс, 2010.
- [3] Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. — М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- [4] Бехманн Г. Концепции информационного общества и социальная роль информации // Политическая наука, демократия в условиях информационного общества. — М., 2008.
- [5] Кастельс М. Галактика Интернет: Размышление об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитоновой. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
- [6] Кастельс М. Галактика Интернет: Размышление об Интернете, бизнесе и обществе. — М., 2004.
- [7] Муратов А.А. Политические аспекты «информационного общества» // Россия в глобальном мире. Социально-теоретический альманах — СПб.: 2003. — № 4.

- [8] *Посконина О.В.* Общественно-политическая теория Н. Лумана: методологический аспект. — Ижевск.: Изд-во Удмуртского ун-та, 1997.
- [9] *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. — СПб.: Наука, 2006.
- [10] *Хрусталева М.А.* Методология прикладного политического анализа. — М.: Проспект, 2010.
- [11] *Arquilla J., Ronfeldt D.* The Emergence of Noopolitik: Toward an American Information Strategy. — Santa Monica, CA: RAND National Defense Research Institute, 1999.
- [12] *Baylis J., Smith S., Owens P.* Globalization of World Politics. — 5th ed., Oxford University Press, 2011.
- [13] *Bell D.* The Third Technological Revolution and Its Possible Socioeconomic Consequences // Mercury-1990. Born. 44th — № 1.
- [14] *Deutsch K.W.* The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. — London, Free Press of Glencoe, 1963.
- [15] *Masuda Y.* The Information Society as Postindustrial Society. — Washington: World Future Soc., 1983.
- [16] *McLuhan M.* The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. — London: Routledge & Kegan Paul, 1962.
- [17] *Viner J.* The Customs Union Issue. — London: Steven, 1950.
- [18] Интернет, в котором мы живем: Новая информационно-коммуникационная среда. Состояние, проблемы, вызовы. Попытка осмысления. URL: http://www.ng.ru/ideas/2011-06-08/5_internet.html
- [19] Текущая модерность: взгляд из 2011 года — Лекция Зигмунда Баумана. URL: <http://www.polit.ru/article/2011/05/06/bauman>
- [20] IT Strategic Plan: Fiscal Years 2011—2013 — Digital Diplomacy. URL: <http://www.state.gov/m/irm/rls/148572.htm>
- [21] A European Information Society for growth and employment. URL: http://ec.europa.eu/information_society/europe/i2010/index_en.htm
- [22] David Cameron launches Tories' "big society" plan. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/uk-10680062>

THE TRANSFORMATION OF MODERN SOCIAL-POLITICAL LIFE IN THE SCOPES OF RISING COMMUNICATION ENVIRONMENT

A.H. Voskanyan

The Department of Comparative Politics
People's Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article is dedicated to several key aspects of political communication in the light of the common processes of integration, informatization and globalization. The main political challenges of the rising communication environment are considered in this article. Some features of the so-called "Internetization" of the society and the influence of the "new media" in different countries are in the limelight of discussions as well. Within various theoretical and conceptual frameworks the issues of the decline of the state, emergence of new political actors and necessity of realization of multi-polar communication policy are studied.

Key words: globalization, informatization, integration, multi-level and multi-polar communication, Internet environment, network society, NETocratization.